

О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории

В.А. Гуторов

В статье рассматриваются основные аспекты интерпретации понятия и теории прогресса в современном социально-философском дискурсе. Идея прогресса в последние десятилетия постоянно диверсифицируется; к концу двадцатого века различия в ее оценках достигли апогея вследствие устойчивого ощущения противоположности альтернатив, содержащихся в историческом развитии. Эта тенденция находит свое выражение в сложном диалоге философов и ученых, порожденном оптимистическими и пессимистическими восприятиями прогресса. Не меньшее значение имеет философская интерпретация, в соответствии с которой способность людей к совершенствованию придает прогрессу характерное свойство “темпорального компенсаторного концепта” (Р. Козеллек). Тем самым идея прогресса приобретает черты защитного консервативного фактора современной цивилизации, что постоянно фиксируется в современной социальной и политической теории (М. Фриден) и философии науки (К. Поппер).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прогресс, социальная теория, наука, философия, модернизация, технология.

ГУТОРОВ Владимир Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета.

gut-50@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16 мая 2017 г.

Цитирование: *Гуторов В.А.* О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 32–43.

В современных научном и философском дискурсах теоретическая концепция и само понятие “прогресс” принадлежат к числу наиболее сложных и дискуссионных. Даже в чисто методологическом плане к характеристикам споров, разворачивающихся вокруг данной категории, вполне применимы те суждения, которые были высказаны более десятилетия назад Р. Беллами и А. Мейсоном по поводу трудностей, связанных с формулированием и оценкой политических понятий. Эти трудности состоят в том, что более старые тексты, посвященные политическим понятиям, стремились предлагать нейтральные определения, которые должны приниматься каждым, независимо от политических предпочтений и ценностей [Bellamy, Mason 2003, 1].

Сформировавшаяся в Новое время концепция прогресса представляет собой оценку как исторического процесса в целом, так и проявляющейся в нем доминирующей тенденции. Эта тенденция, “...свойственная природе или человеку, проходит через ряд последовательных стадий развития в прошлом, настоящем и будущем, причем последующие

стадии являются – возможно, со случайными задержками и небольшими попятными отступлениями – высшими по отношению к более ранним” [Lovejoy, Voas 1935, 6]. Предполагая цель или, по крайней мере, общее направление развития, прогресс напрямую связан с ценностными суждениями, которые, в свою очередь, должны иметь вполне определенные критерии.

Концепция прогресса эпохи Модерна радикально отличалась от ее античных (Ксенофан, Гипподам Милетский, Лукреций) и средневековых (Аврелий Августин) версий, прежде всего, тем, что, по выражению Р. Козеллека, в этот исторический период понятие “прогресс” было “специально откалибровано” для того, чтобы справиться с новыми видами опыта и включало в себя “временной концепт перспективы” с акцентировкой на “трансперсональный субъект действия”, обнаруживая себя “снова и снова на уровне языка общения и равным образом на уровне политического и научного языка” [Koselleck 2002, 219]. См. также [Andersen 2003, 35].

Во всех теориях прогресса извечно присутствовал полемический момент. Так, для Кондорсе и Конта прогресс означал поступательное развитие человечества, освобожденного от пут религии и старых феодальных традиций. Именно на этом основании Конт отрицал саму возможность возникновения идеи прогресса в древности [Comte 1869, 229, 233]. Ср.: [Scharf 1995, 98]. Поворотным пунктом в развитии прогрессистских идей Конт считал знаменитый спор о древних и новых (*Querelle des Anciens et des Modernes*), почти одновременно возникший в конце XVII в. в Италии, Франции и Англии, поскольку осознание того, что является древним и что современным, составляет предварительное условие веры в прогресс, а именно такое осознание и было достигнуто в результате этого спора. Вот почему он “составляет зрелое событие в истории человеческого духа, который таким образом впервые заявил о необратимом продвижении вперед” [Comte 1869, 234].

Напротив, Д. Бьюри в ставшей чрезвычайно популярной книге “Идея прогресса” (1920 г.), опровергая мысль Конта о том, что прогресс является “научной идеей”, и обосновывая принцип, согласно которому уверенность в прогрессе является “актом веры” и поэтому не может быть истинной или ложной, все же полагал, что сам принцип прогресса выводится из системы научных фактов, накопление которых стало возможным только в эпоху Ренессанса, когда и возникает современная наука [Bury 1920, 7, 64].

В конце XX в. диверсификация в оценках содержания понятия “прогресс” достигает апогея в связи с возрастающим ощущением противоположности содержащихся в нем альтернатив. Так, например, С. Новак, опираясь на работу Е. Едлицкого “Идея прогресса с точки зрения нашего времени” выделяет следующие альтернативы: 1. Прогресс – это великий миф, если мы трактуем его как исторический закон, как историческую необходимость во все времена и во всех культурах; 2. Прогресс – это утопия, если его рассматривать как “непогрешимый путь к тысячелетнему царству и некоему конечному состоянию объединенного человечества, свободного от бедности, страха, угнетения, борьбы и всех других драм человеческой судьбы”; 3. Прогресс не миф и не утопия, если мы рассматриваем его как выбор между двумя целями и как задачу для творческого ума и человеческой деятельности, “осуществляющейся в той сфере человеческих возможностей, которые простираются между иллюзорными демиургическими чувствами всемогущества и отчаянием, причиняемым чувством бессилия перед лицом слепых сил истории” [Nowak 1990, 230].

В целом можно отметить, что на протяжении последних двух столетий интерпретации концепции прогресса постоянно варьировались между оптимистическими в своей основе, универсалистскими светскими импульсами, полученными от философов-энциклопедистов эпохи Просвещения и усиленными Французской революцией, и квазирелигиозными тенденциями, характерными для прогрессистской традиции в либеральной и социалистической идеологиях. См. подробнее: [Toffler 1981, 98–102, 105, 294–295, 306]. В либеральной культуре “религия прогресса” достигла пика в Англии в середине XIX в. (всемирная выставка в Лондоне 1851 г., см. [Doorman 2003, 15–16]) и период ее неуклонной деградации с временными перерывами продолжался вплоть до экономического кризиса 1974 г.

В социалистической традиции массовая вера в прогресс длилась несколько дольше (по крайней мере, на уровне идеологической индоктринации) — от повального увлечения сен-симонизмом и другими направлениями утопического социализма в первой половине XIX в. до краха Советского Союза в 1991 г. «Точно так же, как девятнадцатый век закончился периодом *fin de siècle* с его мрачной задумчивой интроспекцией относительно возможностей прогресса, — отмечали в конце XX в. редакторы международного сборника, посвященного проблеме “переосмысления прогресса”, — так случилось и с нашим собственным веком. Это определенно не означает, что между этими двумя периодами “конца века” не было никакого прогресса, не предполагает, что взгляды на мир и социальную теорию этих двух эпох были одинаковы» [Alexander, Sztompka 1990, 1]. Тем не менее общей для обоих веков и обеих обозначенных выше традиций социальной мысли и практики была вера во всеограшающую мощь науки.

Поскольку, начиная с эпохи Модерна, развитие науки действительно рассматривается в качестве важнейшего критерия общественных трансформаций, анализ теорий научного прогресса позволяет в чисто методологическом плане более наглядно представить концептуальное единство, заложенное в теоретических оценках идеи прогрессивных изменений как в рамках всемирной истории в целом, так и в любой из сфер человеческой жизнедеятельности.

Универсальность понятия “прогресс”, отражающего все многообразие трансформаций, происходящих в мире и играющих позитивную роль в развитии цивилизации, нередко ставится под сомнение. Например, экономист М. Блауг категорически утверждает, что сам вопрос “Что есть прогресс или рост знания?”, будучи “органически присущим” не только естественным, но и экономическим и социальным наукам, совершенно неприменим к сфере искусства. “Концепция прогресса, — утверждает он, — неприменима к литературе, музыке или изобразительным искусствам. Нет смысла в том, был ли Джеймс Джойс лучше Джефффри Чосера или является ли Барток улучшением Бетховена; они могут быть более изощрены в техническом отношении, но с эстетической точки зрения они не лучше и не хуже — они просто разные” [Blaug 2002, 21]. Такой подход, однако, категорически опровергается специалистами в области искусства. См., например: [Doorman 2003]. Более того, в опубликованной в 1985 г. работе “Структура артистических революций” Р. Клинье стремился не только парафразировать, но полностью применить именно к сфере искусства знаменитую концепцию научных революций, разработанную Т. Куном. См. [Clignet 1985; Кун 2003].

Определенная степень единства, достигнутого естественными и гуманитарными науками в подходе и понимании роли прогресса в различных сферах общественной жизни и практики проявляется, в частности, и в том, что, наряду с такими общепринятыми категориями как “духовный”, “моральный” “интеллектуальный”, “исторический”, “социальный”, “научный”, “технологический” виды прогресса, повсеместно используются и более специфические его атрибуты, такие как “концептуальный”, “теоретический”, “дискурсивный” и др. См. [Vrandom 2000, 171, 233, 248, 376].

Таким образом, речь может идти не о том, уместно ли понятие “прогресс” в той или иной научной сфере, но, скорее, о том, в каких научных теориях оно выступает в более концептуальной роли и несет более основательную теоретическую “нагрузку”. Разумеется, невозможно оспорить тезис, согласно которому концепция научного прогресса в наиболее концентрированном виде представлена в естественных и тех прикладных науках, которые определяют главные направления современного научно-технического развития. Тем не менее в обсуждении проблемы прогрессивного значения современных технологических общественных науки, конечно, играют не последнюю роль, не говоря уже о том, что гуманитарная и философская составляющие современных дискуссий о прогрессе вполне органически представлены в таких фундаментальных естественнонаучных дисциплинах, как физика, математика, биология и др. Например, в эволюционной биологии понятие “эволюционный прогресс”, характеризующее природные механизмы трансформации видов, выглядит настолько укорененным, что нелегко обнаружить в его структуре оценочные моменты. См. [Nowak 1990, 231]. В современной географии тема прогресса уже давно

является одной из наиболее приоритетных, способствующих постановке многих важных теоретических вопросов. “Связь между географией и прогрессом, — отмечает Р.Д. Сак, — является фундаментальной. Это становится ясным из старого определения географии как понимания, каким образом человеческие существа преобразуют мир и делают его обитаемым. Трансформация порождает изменение и это немедленно поднимает вопросы о прогрессе” [Sack 2002, VII].

Наиболее характерным свойством понятия “прогресс”, благодаря которому он может играть роль объединяющего фактора в различных сферах социальной деятельности, включая современную науку, является его ценностно-нормативный характер. «Прогресс является нормативным, скорее, целеполагающим, чем чисто дескриптивным термином: сказать, что шаг от одной теории А к другой теории Б составляет прогресс, означает, что Б в определенном отношении является улучшением А. В этом смысле “прогресс” может составлять контраст таким нейтральным терминам как “развитие”...» [Niiniluoto 1984, 75–76]. Ср.: [Losee 2004, 1]. Существенным элементом этой концепции было обоснованное еще Ф. Бэконом и Р. Декартом представление, согласно которому научное знание возрастает кумулятивным способом, т.е. путем прибавления новых истин к общепринятым, имеющим определенную структуру, результатам исследования. “Такой взгляд на прогресс как *аккумуляцию истин* подвергался эффективной критике многими философами и учеными с XVIII в. до наших дней и теперь считается общепринятым, что он рисовал наивную и предельно простую картину развития науки” [Niiniluoto 1984, 77].

Еще в XVIII в. Д. Хартли, Д. Пристли и Ж. Лесаж настоятельно подчеркивали, что научный метод, в сущности, является *самокорректирующимся*: он спонтанно и постепенно подводит научные теории все ближе к истине. Такой подход опирался на старую философскую традицию. Например, уже в XV в. Николай Кузанский, развивая свою теорию об “ученом незнании”, доказывал, что абсолютная истина о бесконечном мире (или Боге) находится вне пределов конечного интеллекта — понимание осуществляется в процессе элиминации и исправления негативных предположений, постепенно приближаясь к истине, определяемой впоследствии Ч. Пирсом как *предел исследования (limit of inquiry)*. Сторонники такого подхода крайне скептически относились к самому предположению о том, “...что наука является истинной или возможной и что она постоянно приближается к истине. Такие цели являются *утопическими* в том буквальном смысле, что мы никогда не можем знать, являются ли они достижимыми” [Niiniluoto 1984, 79–80, 94].

Своеобразный итог данному направлению аргументации был подведен Л. Лауданом в работе “Прогресс и его проблемы”. В частности, отмечая, что “наука является, скорее, прогрессом в решении проблем, чем прогрессом в поиске истины” и, следовательно, научный прогресс может анализироваться без таких категорий, как “истина” и “подтверждение”, он формулирует следующее определение прогресса: “...Прогресс может возникнуть тогда и только тогда, когда последовательность научных теорий в какой-либо области свидетельствует об увеличении уровня эффективности в решении проблемы” [Laudan 1977, 7, 70, 22–26, 68]. Данное определение потенциально объединяло в рамках научной концепции прогресса и теоретические исследования как таковые, и их воплощение в многообразных технологиях, обеспечивающих практическое применение достижений науки.

Понятие “технология” стало использоваться в современном смысле уже в XVII в., когда Фрэнсис Бэкон обосновал идею о том, что научное знание может служить основой научного и социального прогресса. Эту идею развивали французские энциклопедисты, оптимизм которых основывался на следующих трех утверждениях:

1. Использование правильного метода и рациональной организации научных исследований обеспечит рост научного знания.
2. С его помощью жизнь людей обогащается новыми открытиями и возможностями, поскольку человеческие знания и техническая мощь соединяются в неразделимое целое.
3. Новые, основанные на знаниях, практические возможности позволяют устранить нужду и тяготы человеческой жизни.

Данная оптимистическая схема обычно именуется “бэконовской” по имени ее основателя [Niiniluoto 1984, 259]. В ее рамках интерпретация прогресса нередко определяется стремлением ученых примирить концепцию “дескриптивного прогресса”, фиксирующую постепенный процесс накопления знаний об окружающем мире, с концепцией “теоретического прогресса”, сторонники которой акцентируют внимание на противоречиях, связанных с переходом от проблемы чисто количественного накопления знаний к проблеме последовательности в развитии объяснительных теорий. Так, по мнению Крэйга Дилуэрта, анализ природы научного прогресса в плане изменений в области теории выявляет одну специфическую особенность, которая “...состоит в соревновании или соперничестве между следующими друг за другом теориями в их попытках объяснять некоторые аспекты реальности. Мы подчеркиваем, что адекватный взгляд на научный прогресс должен включать в себя концепцию конфликта, который возникает в самой последовательности научных теорий” [Dilworth 2007, 1]. Т. Кун и К. Поппер полагают, что научный прогресс включает в себя два вида роста – инкорпорацию и революционный переворот. См. подробнее: [Losee 2004, 2, 88].

Вместе с тем, если Т. Кун вообще отрицательно относился к самому термину “теоретический прогресс”, утверждая, что растет только список подлежащих объяснению феноменов, которые постоянно разрушаются и заменяются другими в результате прогрессирующих движений в науке [Кун 2003, 83] (критические аргументы против позиции Т. Куна см. [Doogman 2003, 65–66], см. также [Hawthorn 1994, 5]), то К. Поппер обращал внимание на следующую закономерность, которая, на наш взгляд, имеет принципиальное значение и для адекватного понимания природы социального прогресса: “...прогресс в науке, хотя он и является, скорее, революционным, чем кумулятивным, в определенном смысле всегда сохраняет *консервативный характер* (курсив мой. – В.Г.): новая теория, хотя и является революционной, всегда должна быть способна полностью объяснять успех своей предшественницы” [Popper 1988, 88–89].

Другим гарантирующим прогресс ингредиентом является культура. В современной научной и философской литературе весьма устойчивым считается тезис, согласно которому “образы прошлого и возможность будущего, а равным образом и концепция путей развития, ведущих от прошлого к будущему, могут возникнуть только при условии стабильности и относительной интернализации культурной системы... Тема прогресса... неразделимо связана с темой культуры. Прогресс – синоним эволюции, развития, а не фрагментации, сегментации и растворения. Прогресс означает рождение новой культуры, в которой ценности трансформируются, приобретают новые формы, а не уничтожаются или становятся бессмысленными. Иными словами, прогресс – это процесс структурирования общества в его новых формах, изменение, которое производит культуру, а не изменение, которое ее разрушает” [Mongardini 1990, 53–54].

Тем не менее, несмотря на то, что на уровне “высокой теории” общий культурный смысл прогрессистского символа веры редко подвергается сомнению, реальное положение вещей в современном мире свидетельствует о явной тенденции именно к фрагментации концепции прогресса в западной культуре, иногда доходящей до полного ее обесмысливания, например, у теоретиков “трансгуманизма”, откровенно утверждающих, что цель прогресса – уничтожение человеческого рода в его нынешнем состоянии. Так, Ч. Т. Рубин в книге “Затмение человека” следующим образом резюмирует “философское кредо” представителей данного направления: “...мы будем улучшать себя, становясь в чем-то новее и лучше. И, делая это, мы уничтожим то, чем мы являемся сейчас. Мы имеем эту возможность, потому что наука и технология дает нам способность контролировать человеческую эволюцию, превращая ее из естественного, основанного на случайности, процесса в процесс, которым руководит наш собственный интеллект и воля” [Rubin 2014, 1].

Трансгуманизм является лишь одним из современных примеров доведения “религии прогресса” до полного абсурда. Существенная причина такого рода тенденций скрывается в том, что “одна из наиболее важных проблем, с которыми сталкиваются общества почти во всех частях мира – неадекватное сосуществование социальной

справедливости с культурным многообразием” [Lynch, Modgil, Modgil 1992, VIII] Ср.: [Rorty 1998, 33–34]. Буржуазная культура XVIII–XIX вв. стремилась соединить утилитарные и коммуникативные традиции “практического разума” под эгидой прогресса. Предполагалось, что, вопреки пессимизму Руссо, технологический и моральный типы прогресса могут стать двумя сторонами одной медали. Прогресс, реализуемый посредством науки и технологии, должен превратиться в орудие освобождения общества от ограничений природы и тем самым продвигать вперед моральный прогресс. “Это оптимистическое ожидание культуры Просвещения основывалось на вере, согласно которой все, что бросает вызов традиционным формам верований, прежде всего наука и технология, тем самым способствует моральному прогрессу человечества” [Eder 1990, 77].

Однако постепенно, по мере того как социальные теоретики в XIX и в начале XX в. стали осознавать негативные последствия модернизации, они стали более дифференцированно подходить и к самой концепции прогресса. Некоторые даже бросали вызов идее неизбежности морального прогресса. Среди них К. Маркс был одним из наиболее принципиальных критиков капиталистической версии прогресса. Еще несколько десятилетий назад Ю. Хабермас, развивая идеи Маркса, предупреждал, что “классовые общества структурно неспособны удовлетворять потребность в легитимации, которую они сами порождают” [Habermas 1979, 163]. Критикуя “мистицизм” Вальтера Беньямина, рассматривавшего счастье как единственно важный критерий прогресса, Хабермас также отмечал: “Нет никаких сомнений в том, что прогрессивные явления имеют свои репрессивные стороны. Но именно здесь начинается политическое действие” [Habermas 1983, 157]. См. также: [Owen 2002, 177–183]. Он мог бы добавить, что “там, где начинается политическая деятельность, политическому романтизму приходит конец...” [Schmitt 1986, 160].

В конечном итоге из разнообразных типов философской критики возникла следующая дилемма: моральный прогресс – это не то, что уже находится в руках, напротив, общество должно за него энергично бороться; делать это можно двумя способами: либо путем навязывания морали “сверху”, либо при помощи призывов к моральному усовершенствованию “снизу”. Сам Маркс занимал довольно амбивалентную позицию в данном вопросе. “Но какое бы решение ни предлагалось, – отмечает К. Эдер, резюмируя итоги такого рода критики, – прогресс, приписываемый развитию производительных сил, даже не ставился под вопрос. Господство над природой все еще должно было служить моделью социального прогресса” [Eder 1990, 77].

Трудно решить, какая именно тенденция сыграла наибольшую роль в дискредитации идеи прогресса в XX в. – возрастание неравенства и несправедливости до глобальных масштабов или “мистицизм” интеллектуалов. Но не стоит забывать о том, что, если к концу XIX в. идеи прогресса стали настолько “общим местом”, что их просто перестали замечать [Doorman 2003, 26], ср. [Koselleck 2002, 230], то уже в начале XX в. эволюционистская концепция прогресса в духе Конта, Дарвина и Спенсера превратилась в объект откровенных насмешек [Lippmann 1997, 71–72]. Раздражение образованных слоев общества вызывала даже не идея прогресса как таковая, но именно понимание того, что “...догмы периодизации, сегментации или цикличности в истории, диалектические стадии, историческая судьба, постоянный прогресс или упадок являются только вариациями историко-философского мистицизма” [Doorman 2003, 77].

Во второй половине XX в. та же судьба постигла понятие “модернизация”, созданное в послевоенный период для описания мирового развития в духе классической прогрессистской модели Модерна. Как отмечал Дж. Ч. Александер в работе “Значение социальной жизни”, в США в 1960-е гг. “теория модернизации умерла... потому что появившееся более молодое поколение интеллектуалов не могло поверить в то, что она была истинной” [Alexander 2003, 204].

С одной стороны, факты свидетельствовали о том, что для такого рода скепсиса были все основания: в этот период такие вдумчивые и неангажированные аналитики как М. Харрингтон, Б. Мур, С. Хантингтон отмечали, что рост бедности в странах

“третьего мира”, революции и войны, постоянно возникающие за пределами США и Западной Европы, распространение диктатур и авторитарных режимов в постколониальный период, сакрализация социальной жизни и “взрыв идеологий” явно противоречили оптимистической вере в модернизационную мощь науки, технократии и секуляризации [Alexander 2003, 204–205]. Ср. [Alexander, Sztompka 1990, 1–2].

С другой стороны, в общеисторическом плане в отмеченных выше негативных тенденциях социально-политического развития трудно было усмотреть что-либо принципиально новое. В свое время Р. Козеллек не случайно отмечал, что весьма тривиальной является сама защита следующего очевидного тезиса: где бы люди ни вовлекались в историю, опыт трансформации и изменения с древнейших времен обнаруживает свои лучшие и худшие стороны [Koselleck 2002, 22, 234]. В конце XX в. под это “тривиальное” соображение была подведена и соответствующая философская база. “Современные государства-нации (то есть, их экономические, политические и культурные системы), — пишет Р. Рорти, — лучше всего рассматривать как сложные, коллективные виды субъективности, которые отражают широкий спектр как гуманной, так и антигуманной форм активности, ценностей, идей, политики” [Rorty 1998, 6].

Но именно в XX в., породившем две мировые войны, глобальные экономические кризисы и геноцид, диспропорции в развитии между достигшей изобилия небольшой группой государств и материальной нищетой огромных регионов, управленческая несостоятельность публичной сферы в демократическом, авторитарном и социалистическом вариантах и, наконец, окончательный крах коммунистического эксперимента в СССР способствовали в конечном итоге тому, что “образ прогресса, который в эпоху модерна ассоциировался с идеей возрастающей безопасности и увеличения контроля над реальностью, трансформируется в свою точную противоположность” [Mongardini 1990, 59]. См. подробнее: [Norgaard 1994, 2].

В этих условиях отказ от традиционных стереотипов мысли определялся далеко не в последнюю очередь и тем, что в разработке современной концепции прогресса между наукой и философией чуть ли не впервые возникли серьезные разногласия. Ученым стало казаться, что создатели философских концепций прогресса намеренно искажали и упрощали реальность, постулируя идеи, заведомо противоречащие реальным фактам и сложным процессам эволюции обществ на различных этапах истории. “...Насколько мы знаем, — отмечает С. Новак, — многие вопросы и утверждения о прогрессе имеют дело с трансформациями обществ и человечества в прошлом. Мы можем даже сказать, что само понятие прогресса рождалось на основе дезинформирующих и упрощенных обобщений о нашей социальной истории и неоправданных экстраполяций этих обобщений из нашего прошлого в наше будущее” [Nowak 1990, 232].

Весьма недвусмысленными подтверждениями такого рода констатаций являются, на наш взгляд, тенденции к “субъективизации”, “фрагментации” и “локализации” (“регионализации”) современной концепции прогресса. Если в XVIII и XIX вв. предпочтение отдавалось теории универсального и “вечного” прогресса, то вторая половина XX в. засвидетельствовала совсем иную картину: счет пошел на ограниченные временем “эпохи”, на десятилетия и даже годы. Ответ на обозначенные выше тенденции и дилеммы в свое время на общесоциологическом уровне пытался дать Р. Козеллек: “Прогресс современности, несмотря на его универсальные претензии, отражает только частичный самодостаточный опыт и вместо этого маскирует и затуманивает другие виды опыта по вполне понятным причинам. Очевидно, что имеются долгосрочные структуры, которые продолжают существовать в истории и пока вообще не затронуты и индустриально детерминированным прогрессом” [Koselleck 2002, 235].

Сегодня, как это ни парадоксально, эти долгосрочные структуры все сильнее продолжают влиять на восприятие прогресса в эпоху глобализации. “Теперь, — отмечает К. Эдер, — даже понятие технологического прогресса, т.е. тот аспект модернизации, который когда-то представлял собой его наиболее очевидное преимущество, вызывает культурное раздражение. Мы не можем более апеллировать к эмпирической базе идеи прогресса. С тех пор как стремление к моральной эволюции вызывает аналогичное

раздражение, прогресс стал представляться фикцией. Теперь было бы легче вообще отказаться от прогресса как теоретически значимой категории и оставить ее в качестве идеологической категории” [Eder 1990, 78].

Но особенно примечательной чертой современности является утрата концепцией прогресса изначально заложенного в ней утопического содержания. И горячая вера в прогресс, и постоянный скепсис и ирония, переходящие в полное его неприятие с момента рождения самой идеи прогрессивного развития всегда в равной степени имели право на существование, поскольку они коренились в самой природе общества и государства, возникших в эпоху Модерна. Утопический элемент теоретической концепции прогресса заключается в том, что, независимо от неизбежных издержек реального прогресса, он наделяет своих приверженцев позитивными предчувствиями в отношении будущего, способствует преодолению опасений и страхов путем “включения сознания на позитивные ожидания и расчеты” [Koselleck 2000, 205]. Например, Т. Адорно в письме к В. Беньямину рассматривал девиз “Chaque époque rêve la suivante [каждая эпоха мечтает о преемнице. — *фр.*]” как исходный момент “диалектического образа” коллективного сознания, содержащего идею развития представления о будущем как Утопии [Bloch... 1980, 111].

Теперь же на смену прогрессистским утопиям приходит постмодернистская концепция истории, в рамках которой тысячелетней утопической традиции практически не остается места. «Постмодернизм, — отмечает К. Монгардини, — становится последней идеологией, принимаемой Модерном для того, чтобы спасти себя. Во всех культурных формах изменение более не служит Модерну в качестве средства для достижения целей, стимулируемых идеей прогресса, но становится целью в себе. Следовательно, идеология и миф о прогрессе теряют смысл. Начинается период не-прогресса и не-истории, период “пост-культуры”, где индивид... окружен настоящим, теряет “истину” и смысл истории и упускает из рук любые возможности контроля над реальностью... Постмодернистская идеология представляет Модерн, занявший оборонительную позицию, Модерн, отказавшийся от своих идеалов, даже от мифа о прогрессе... Если мы уберем идеал прогресса, постмодернистская история уподобляется дереву, которое не приносит плодов. Она теряет свою земную цель, не приобретая при этом более высоких целей. Будущее как расширение настоящего (Луман) — это просто ограда, “золотая клетка”, определяющая границы и заблуждения современного человека» [Mongardini 1990, 56–57, 59, 60].

В условиях явного нарастания методологического кризиса, связанного с оценкой содержания и перспектив социального прогресса, приходится констатировать, что предлагаемые учеными и философами современные способы решения связанных с ним теоретических и практических проблем не только не производят впечатление связности, но нередко не отличаются и какой-либо принципиальной новизной в преодолении основной апории прогресса, сформулированной в ранних сочинениях Ж.-Ж. Руссо, создавшего, по выражению Р. Козеллека, “типологическую когнитивную модель”, которая позволяет понять многие виды опыта и противоречий нашего времени [Koselleck 2002, 232]. “Именно прогресс, — отмечает он, — был в точности тем, что воспроизводит феномен упадка, который является его частью или компактным сегментом. И чем более насильственным становится прогресс — достаточно вспомнить атомную энергию и атомную бомбу — тем большей является способность человека производить катастрофы... Донкихотская натура Руссо характеризует его как первого из тех, кто распознал апорию прогресса. Именно потому и поскольку прогресс не завершен, шансы возрастают: по общему признанию разрушение читается не в природной метафорике, но, скорее, в ощущении тех катастроф, которые человеческие существа способны навлечь на свои головы с ростом технологических возможностей, находящихся в их распоряжении...” [Ibid., 232–233].

С XVII в. постоянно воспроизводится одна и та же историческая парадигма: “Снова и снова отмечается, что мораль ковыляет позади технологии и ее развития. Гоббс взял это [утверждение] в качестве отправного пункта, когда он направил все свои

усилия на нахождение даже для государства таких правил, которые были бы столь же определены, как геометрия. Кант принимает как исходную точку, что цивилизация уже дошла до неумеренности в своем развитии, в то время как люди в качестве моральных существ могут только уменьшать ее ход с величайшими усилиями и что они должны делать это как можно быстрее, если они хотят приспособить мораль к статусу технического знания” [Koselleck 2002, 235].

Однако “концепция прогресса, – отмечает Р. Козеллек, – инкорпорирует опыт нашей собственной современности: снова и снова прогресс производит непредвиденные инновации, которые нельзя сравнивать с чем-либо, используя опыт прошлого. Учет этого момента сам по себе становится элементом концепции прогресса в том плане, что она уже приобрела стабилизирующее, консервативное смысловое поле внутри современности. Вера в прогресс, всегда устремляющийся вперед, okazалась, так сказать, старомодной, не становясь при этом неоправданной” [Ibid., 233].

Таким образом, в области современной социальной философии концепция прогресса демонстрирует то же консервативное начало, которое в XIX в. на философском и художественном уровне было поразительно рельефно выявлено Ф. М. Достоевским в “Преступлении и наказании”, а в XX в., как уже отмечалось выше, зафиксировано К. Поппером на уровне научной теории.

Наблюдения за характером аргументации в самых различных областях современной науки и философии свидетельствуют, что данное начало уже давно интуитивно утвердило себя в психологическом и теоретическом плане и в дальнейшем подкрепляется новыми доводами. Так, например, М. Фриден в своем исследовании “Либеральные языки” специально подчеркивает, что современный либерализм как философия, формулируя и защищая принципы, составляющие его сердцевину, – свобода, индивидуальность, прогресс, рациональность, забота об общественном благе, ответственная и ограниченная власть – “...может быть понят как моделирующее средство, с помощью которого универсальные основополагающие правила формируются для справедливого и свободного общества, правила, которые, в частности, позволяют каждому индивиду честно и на равной основе стремиться к избранному [им] плану жизни” [Frieden 2005, 137]. В социальной философии Ю. Хабермаса, для которой характерна своеобразная “диалектика” оптимизма и пессимизма, “травматический портрет” кризисного развития западной цивилизации сочетается с верой в стабилизирующее воздействие вполне прогрессивистской концепции “делиберативной демократии”. См.: [Scheurman 2008, 69, 124].

Еще в 1980-е гг. Н. Луман сформулировал следующие альтернативы концепции постепенного эволюционизма: 1. Утопический плюрализм проекций, создающий избыток “возможных будущих”, ни одно из которых не является непосредственно достижимым. 2. Альтернативой утопии являются краткосрочные способы управления кризисами, ориентированного на технические характеристики. “Привлекательность технократии в рамках такой краткосрочной перспективы заключается в том, что она дефутуризирует будущее” [Luhmann 1982, 44].

По мнению ряда ученых, конечная цель такого рода проектов одновременно предполагает достижение нескольких, на этот раз перспективных, целей: а) преодолеть иллюзии относительно идеи самодвижущегося прогресса в современной науке; б) отбросить иллюзию однолинейного прогресса; в) отказаться от иллюзии модернизации европейского типа в качестве модели [Eder 1990, 78]. Такая “амбивалентность может быть лучше объяснена с помощью дифференцированной концепции прогресса, которая учитывает различные типы прогрессивного изменения, конституирующие социальную эволюцию” [Owen 2002, 182].

Альтернативой таким подходам является предложение обосновать идею прогресса с помощью “постдевелопменталистских теорий” и новой концепции “самотрансформации”. Для разработки этой концепции П. Штомпка, например, предлагает объединиться социальным теоретикам, социальным философам и историкам в исследовании проблем “морфогенеза”, “структуриации”, “реляционного структуризма”,

“самовоспроизводства общества” и “социетального самоуправления” [Sztompka 1990, 256–260; Alexander, Sztompka 1990, 11–12].

Но, подобно тому, как спор о древних и новых, возникший в XVII ст., был своеобразным историческим парафразом философских и политических споров V в. до н.э. между софистами и философскими ревнителями старых полисных традиций, предлагаемые современными социологами и философами модели “самотрансформирующегося прогресса” оказываются лишь переведенным на социологический язык платоновским “припоминанием” тех аналогичных, отмеченных выше, моделей научного прогресса, которые были разработаны в XVII–XVIII вв. с целью преодоления парадоксов и апорий, изначально свойственных как самому прогрессу, так и теоретической рефлексии о нем. Какой из современных теорий суждено восторжествовать, покажет ближайшее будущее.

Источники в русских переводах – Primary Sources in Russian Translation

Кун 2003 – Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003 (Kuhn Th. *The Structure of Scientific Revolutions*. Russian translation).

Primary Sources

Alexander, Jeffrey C., Sztompka, Piotr (ed.) (1990) *Rethinking Progress. Movements, Forces and Ideas at the End of 20-th Century*, Unwin Hyman, Boston etc.

Bloch, Ernst, Lukacs, Georg, Brecht, Bertold, Benjamin, Walter, Adorno, Theodor (1980) *Aesthetics and Politics*, Verso, London.

Bury, John B. (1920) *The Idea of Progress. An Inquiry into Its Origin*, Macmillan & Co, Ltd, London.

Clignet, Remi (1985) *The Structure of Artistic Revolutions*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia.

Comte, Auguste (1869) *Cours de philosophie positive. T. IV. 3 ed.*, J.B Ballière et Fils, Paris.

Eder, Klaus (1990) “The Cultural Code of Modernity and the Problem of Nature. A Critique of the Naturalistic Notion of Progress”, Alexander, Jeffrey C., Sztompka, Piotr (ed.) *Rethinking Progress. Movements, Forces and Ideas at the End of 20-th Century*, Unwin Hyman, Boston., pp. 67–88.

Habermas, Jürgen (1979) *Communication and the Evolution of Society. Transl. Thomas McCarthy*, Beacon Press, Boston.

Habermas, Jürgen (1983) “Walter Benjamin: Consciousness–Rising or Rescuing Critique”, Habermas, Jürgen *Philosophical–Political Profiles. Transl. Frederick G. Lawrence*, MIT Press, Cambridge, Mass., pp. 129–163.

Laudan, Larry (1977) *Progress and Its Problems*, Routledge & Kegan Paul, London.

Lovejoy, Arthur O., Boas, George (1935) *Primitivism and Related Ideas in Antiquity*, John Hopkins Press, Baltimore.

Luhmann, Niklas (1982) *The Differentiation of Society*, Columbia University Press, New York.

Mongardini, Carlo (1990) “Decadence of Modernity: The Delusions of Progress and the Search for Historical Consciousness”, Alexander, Jeffrey C., Sztompka, Piotr (ed.) *Rethinking Progress. Movements, Forces and Ideas at the End of 20-th Century*, Unwin Hyman, Boston, pp. 53–66.

Niiniluoto, Iikka (1984) *Is Science Progressive?*, Springer-Science + Business Media, B.V., Dordrecht.

Nowak, Stefan (1990) “Models of Directional Change and Human Values: The Theory of Progress as an Applied Social Science”, Alexander, Jeffrey C., Sztompka, Piotr (ed.) *Rethinking Progress. Movements, Forces and Ideas at the End of 20-th Century*, Unwin Hyman, Boston etc., pp. 229–246.

Popper, Karl R. (1988) “The Rationality of Scientific Revolutions”, Hacking, Ian (ed.) *Scientific Revolutions*, Oxford University Press, Oxford, pp. 78–106.

Schmitt, Karl (1986) *Political Romanticism*, MIT Press, Cambridge, Mass.; London.

Sztompka, Piotr (1990) “Agency and Progress: The Idea of Progress and Changing Theories of Change”, Alexander, Jeffrey C., Sztompka, Piotr (eds.) *Rethinking Progress. Movements, Forces and Ideas at the End of 20-th Century*, Unwin Hyman, Boston, pp. 247–263.

Toffler, Alvin (1981) *The Third Wave*, Bantam Books, Toronto, New York, London, Sydney.

About Some Trends of Interpretation of the Concept of Progress in Modern Social Theory

Vladimir A. Gutorov

The article deals with the basic aspects of interpretations of the concept and theory of progress in the modern social philosophic discourse. The idea of progress in recent decades is constantly being diversified. By the end of the twentieth century, the differences of evaluations reached their apogee due to the growing sense of opposition of alternatives contained in historical development. This tendency is expressed in a complex dialogue of philosophers and scientists generated by optimistic and pessimistic perceptions of progress. Equally important is the philosophical interpretation of progress, according to which the ability of people to improve endows it with a characteristic feature of “temporal compensatory concept” (R. Koselleck). Thus, the idea of progress acquires the features of the *defensive conservative factor* of modern civilization, which is constantly fixed in modern social and political theory (M. Freeden) and the philosophy of science (K. Popper).

KEYWORDS: progress, social theory, science, philosophy, modernization, technology.

GUTOROV Vladimir A. – DSc in Philosophy, Professor, Head of Department of Theory and Philosophy of Politics at the Faculty of Political Science of the Saint-Petersburg State University.
gut-50@mail.ru

Received at May 16, 2017.

Citation: Gutorov, Vladimir A. (2017) “About Some Trends of Interpretation of the Concept of Progress in Modern Social Theory”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2017), pp. 32–43.

References

- Alexander, Jeffrey C. (2003) *The Meaning of Social Life. A Cultural Sociology*, Oxford University Press, Oxford.
- Andersen, Niels A. (2003) *Discursive Analytical Strategies. Understanding Foucault, Koselleck, Laclau, Luhmann*, The Policy Press, Bristol.
- Bellamy, Richard, Mason, Andrew (eds) (2003) *Political Concepts*, Manchester University Press, New York.
- Blaug, Mark (2002) “Is There Really Progress in Economics”, Boehm, Stephan, Gehrke, Christian, Kurz, Heinz D., Sturn, Richard (eds.) *Is There Progress in Economics? Knowledge, Truth and the History of Economic Thought*, Edward Elgar, Cheltenham, Northampton MA, pp. 21–44.
- Brandom, Robert B. (ed.) (2000) *Rorty and His Critics*, Blackwell Publishers, Malden, Mass., Oxford.
- Dilworth, Craig (2007) *Scientific Progress. A Study Concerning the Nature of the Relation between Successive Scientific Theories*, Springer, Dordrecht.
- Doorman, Maarten (2003) *Art in Progress. A Philosophical Response to the End of Avant-Garde*, Amsterdam University Press, Amsterdam.
- Freeden, Michael (2005) *Liberal Languages. Ideological Imaginations and Twentieth-Century Progressive Thought*, Princeton University Press, Princeton, Oxford.
- Hawthorn, Geoffrey (1994) *Enlightenment and Despair. A History of Social Theory. Second Edition*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Koselleck, Reinhart (2000) *Zeitschichten. Studien zur Historik*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main.
- Koselleck, Reinhart (2002) *The Practice of Conceptual History. Timing History, Spacing Concepts*, Stanford University Press, Stanford, California.
- Lippmann, Walter (1997) *Public Opinion*, Free Press, New York.

- Losee, John (2004) *Theories of Scientific Progress. An Introduction*, Routledge, New York, London.
- Lynch, James, Modgil, Celia, Modgil, Sohan (eds.) (1992) "Prejudice, Polemic or Progress?", *Cultural Diversity and the Schools, Vol. 2*, Falmer Press, London, Washington.
- Norgaard, Richard B. (1994) *Development Betrayed. The End of Progress and a Coevolutionary Revisioning of the Future*, Routledge, London, New York.
- Owen, David S. (2002) *Between Reason and History. Habermas and the Idea of Progress*, State University of New York Press, Albany.
- Rorty, Richard (1998) *Achieving Our Country*, Harvard University Press, Cambridge.
- Rubin, Charles T. (2014) *Eclipse of Man. Human Extinction and the Meaning of Progress*, New Atlantis Books, New York, London.
- Sack, Robert D. (ed.) (2002) *Progress. Geographical Essays*, The John Hopkins University Press, Baltimore, London.
- Scharf, Robert C. (1995) *Comte after Positivism*, Cambridge University Press, Cambridge.